

К ПРОБЛЕМЕ «АРИЙСКОГО» ЗАВОЕВАНИЯ ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

Н. А. Шолпо

Вопрос о вторжении племен древних ариев в Индию и Иран во II тысячелетии до н. э. является чрезвычайно важным и принципиальным в связи с различными теориями, группирующимися вокруг него.

Несмотря на большую актуальность проблемы «арийского» завоевания, советские историки не дали ее научного решения. Некоторые историки, вместо того чтобы серьезно исследовать историю вторжения древних ариев в Индию, уклоняются от этой работы, отделяясь просто отрицанием самого факта вторжения. Теории буржуазных ученых, утверждающих, что до «арийского» завоевания в Индии никакой истории не было, что только с «арийцев» начинается история Индии, не критикуются, а только берутся в кавычки.

Нельзя сказать, что вопрос об «арийском» завоевании никак не ставился в советской науке. В ряде статей в Большой Советской Энциклопедии¹ этому уделено много внимания, но четкого ответа на этот вопрос там найти нельзя. Так, например, А. Золотарев в статье об археологии Индии (т. XXVIII, стр. 234) говорит о «гипотетической миграции так наз. арийцев», а Н. Кун в статье о Ведийском периоде (там же, стр. 235) называет вторжение ариев «мифическим завоеванием» и, излагая теории буржуазных историков, снабжает их выводы словами «якобы» и «будто бы», опровергая тем самым их точку зрения, но не давая ничего взамен. Между тем, из статьи Р. Шор об арийцах (т. III, стр. 233) и индоевропейцах (т. XXVIII, стр. 395) вытекает, что «арийцы» являются завоевателями индийских народов. Не отрицать голословно факт вторжения «арийцев», а дать анализ эпических памятников Индии — вот первая задача советского историка. Ведь об ариях говорят не только легенды, но и надписи Ирана и античные писатели — Геродот, Страбон и др. Советский историк должен не отделяться игнорированием этих памятников, а изучить и использовать их для того, чтобы марксистски объяснить исторические факты.

Раскопки в долине Инда открыли до того неизвестную высокоразвитую культуру «доарийской» Индии и опрокинули все теории буржуазной науки: уже до прихода «арийцев», оказывается, «дикие» племена Индии были в состоянии воздвигнуть благоустроенные города, создать многочисленные памятники искусства, изобрести письменность. Рассматривать общество Мохенджо-даро стоящим на более высокой ступени, нежели

¹ БСЭ, т. III, стр. 233; т. IX, стр. 161; т. XXVIII, стр. 234 сл., 395 и др.

ведийское, казалось бы, нельзя: история ведь не идет вспять, а развитие идет от низших форм к высшим. При этом, однако, забывают, что хотя развитие идет по восходящей линии, но оно не идет по прямой, а по спирали. Становясь на путь бюхеровского прямолинейного развития общества, отрицая возможность временной гибели культуры, возможность временного затухания и даже регресса, некоторые историки путем искажения фактов втискивают их в прокрустово ложе наперед данной схемы.

Проблема «арийского» завоевания упирается прежде всего в вопрос о том, кто такие были древние арии («арийцы»). Прежде, в науке XIX в., термины «арийцев» и «индоевропейцев» являлись тождественными, и еще Энгельс, например, в своей статье о древних германцах¹ говорит о вторжении «арийцев», разумея в них, очевидно, индоевропейцев. Современная наука не говорит об индоевропейцах как об этнической группе, имеющей общего предка, но только о языках индоевропейской системы. Также и об «арийцах» как об этническом понятии современная наука не говорит, но только об «арийских» языках, т. е. о восточной группе индоевропейских языков, т. е. о языках Индии, Ирана, некоторых народов Средней Азии. С точки зрения яфетического языкознания индоевропейской семьи языков нет, как не имеют они и общего предка. Индоевропейская речь всегда была речью господствующего класса, говорит Н. Я. Марр, и «куда ни заносилась она тем господствующим классом, в Азию ли, или на окраины Европы, там на месте, с наличным населением в условиях его доисторического яфетического племенного состава, вырабатывался в тот или иной конкретный, уже совершенный индоевропейский язык, в Индии в санскрит, на Иране в персидский язык, в восточной и северной Европе в славянские и германские языки; ...в путях скрещения с продолжавшими в нем пережиточно существовать доисторическими яфетическими языками... выработался в свой, своеобразный совершенный вид на месте своего нахождения, усваивая от скрещивавшихся с ним пережиточных племен доисторического населения не только речь, но и мифы и эпос»².

Если в целом индоевропейские языки не имеют общего праязыка, то арийские, состоящие из двух больших групп—индийской и иранской, чрезвычайно близки друг к другу. «Эти две группы,—говорит А. Мейе,—представляют значительное число общих особенностей и отличаются одна от другой не более, чем, например, верхненемецкий язык от нижненемецкого»³. Н. Я. Марр полагает, что «индоевропейские языки Средиземного моря ни с какими племенами особой расы не являлись откуда бы то ни было: они тут же в пределах Средиземноморья и возникли в яфетической племенной среде»⁴. Но с индийской группой языков дело обстоит иначе. В другой статье Марр говорит, что «как ни древен санскрит... он лишен первичной генетической увязки с языком своей же страны, т. е. он явно пришлый в Индии»⁵. Таким образом, арийскими языками мы называем языки господствующего класса древней Индии и Ирана. Эти языки не приносились завоевателями в готовом виде, а вырабатывались в тот или другой конкретный язык в условиях скрещения с языками коренного населения. Естественно, что языки Индии и Ирана выработались в два

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XVI, ч. I, стр. 341.

² Н. Я. Марр, О происхождении языка. Избр. соч., т. II, стр. 194.

³ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, стр. 88.

⁴ Н. Я. Марр, Иберо-этруско-италская скрещенная племенная среда образования индоевропейских языков. Избр. соч., т. I, стр. 187.

⁵ Н. Я. Марр, Общий курс учения об языке. Избр. соч., т. II, стр. 72.

различных языка, но общие черты их показывают, что происходят они от общего праязыка¹.

Что же представляли собою племена, говорившие на «арийском» языке в своем «доиндоевропейском» состоянии? Для этого следует обратиться к первоисточникам, отбросив все то, что появилось на них в виде наукообразных наростов. Этими первоисточниками являются прежде всего «Ригведа», священная книга индусов, древность которой признается всеми исследователями, а также «Авеста», священная книга иранских народов, персов. После работ Макса Мюллера, Бюрнуфа, Рота, Дармстедтера и других ученых индианистов и иранистов наука внесла много в изучение этих древних текстов. Но все еще недостает марксистского критического исследования, сравнительного изучения «Ригведы» и «Авесты», что привело бы к интересным результатам.

«Ригведа» и «Авеста» имеют некоторые общие места, они касаются иногда одних и тех же явлений, но освещают их различно. При изучении этих текстов надо всегда учитывать сложную историю, пережитую ими; учитывать, что с течением времени они подверглись переработке и сокращению, учитывать, что текст сохранился лишь в тех частях, которые были удобны господствующему жречеству, превратившему эти книги преданий в священные книги. Но тем бережней следует относиться к тому, что сохранилось в них, и попытаться найти в них зерно исторической правды. Каждая книга проделала длинный путь самостоятельно, поэтому то, что сохранилось в них общего, имеет наибольшую ценность для нас—это общее ведет нас ко времени доисторического, доклассового, «доарийского» состояния племен, создавших «Авесту» и «Ригведу»; ведет нас ко временам, когда эти племена еще не заселили Ирана и Пенджаба.

Вендидат (Видевадат—«Закон, данный против девов»), одна из частей «Авесты», рассказывает в первой главе, как «премудрый господь» Ахура-Мазда создал Ариана вейджо—страну ариев, но злой дух Ангра-Майнью вытеснил поселившиеся там племена. Народы переселились в Сугду (Согдиану), затем в страну Моуру (Маргиану, Мерв) и далее, через Бактрию, Нису, Арию, Кабул, Гирканию, Арахозию, Раги, Дрангиану они прошли к устью Гельменда (Этимандер). Здесь часть племен прошла в Хорасан, а другая часть в Хапта-Хенду (Сапта Синдху)—Пенджаб.

«Ригведа», как показывает изучение встречающихся в ней географических названий, названий растений и животных, возникла в восточной части современного Афганистана, где-то на северо-запад от Пенджаба. В «Ригведе» рассказывается, как продвигались племена от одной реки до другой, как они достигли притоков Инда—Круму и Гамати, и дошли, наконец, до Инда, который был назван ими Синдху, т. е. «река», «поток»; а вся страна, включая Инд с его притоками (Пенджаб—«пятиречье») и реки Кабул и Сарасвати, была названа ими Сапта Синдху (Семиречье).

Западная группа племен, как это видно из «Авесты», встретила сопротивление у коренного населения, которое называлось ими *dāha* (авест. *dāhi*), т. е. «враги, рабы», себя же завоеватели называли *airja* (авест. *airja*), что значит «знатные, благородные»; покоренная страна называлась *arjana* (авест. *airjana*), откуда произошло среднеперсидское *Ēran* и современное Иран.

¹ В нашей науке, особенно в последнее время, появилась боязнь термина «праязык», (см., например, сборник «Наука о расах и расизм», 1938 г.). Но надо иметь в виду, что, говоря о праязыках иранских и индийских народов, мы говорим, что язык является признаком принадлежности не к той или иной расе, а к этнической группе, племени, нации.

↑ Восточная группа племен столкнулась с народами, населявшими бассейн Инда, которых впоследствии завоеватели называли *dasa*, т. е. «враги, рабы», а себя они называли *арья*, т. е. «благородные, знатные», в отличие от варваров. Покоренная ими страна стала называться Ариаварта (страна ариев).

Так из преданий священных книг «Авесты» и «Ригведы» вытекает, что откуда-то с верховьев Яксарта и Окса пришли племена, подчинившие себе коренное население Ирана и Инда. Они называли себя «арьями», т. е. благородными, по отношению, конечно, к покоренным. Термин «арья» не есть, следовательно, племенное название пришлых народов,— у себя на родине они не называли себя так; этот термин не является, следовательно, этническим, расовым, а является термином социальным, классовым, поскольку завоеватели заняли господствующее положение среди покоренных.

В «школе» Покровского было модным отрицать миграции. Конечно, если возводить миграцию в особую теорию, превращать ее в отмычку для объяснения чуть ли не всех явлений в обществе, то мы будем далеки от научного объяснения. Но так же далеки будем мы от науки, если мы повсюду будем отрицать миграцию, даже там, где об этом говорят факты. «Ригведа» и «Авеста» определенно носят характер иноземного происхождения и в той или иной мере вспоминают свою общую родину. Факты говорят, что когда-то в древности (некоторые полагают— в середине или конце третьего тысячелетия) происходили переселения народностей, осевших затем на еще не заселенных местах или покоривших коренное население. И сразу же перед нами встает вопрос: что же толкало эти народности в далекие странствия, что толкало их покинуть свою родину? С гениальной простотой и четкостью дает ответ на этот вопрос Маркс:

↑ «Давление избытка населения на производительные силы заставило варваров из плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земли для каждого отдельного индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население было вынуждено пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе»¹.

Общественная организация этих народностей выявляется из данных «Авесты» и «Ригведы». Народности эти состояли из многочисленных племен— «Ригведа» перечисляет всего девять (бгараты, поравы, икшваки, пантшалы, тритсу и др.), но их было, конечно, больше; некоторые из этих племен образовались из слияния нескольких племен, как, например, пантшалы, самое название которых говорит, что они образовались из пяти племен; некоторые, напротив, выделяли из себя новые племена; так, племя тритсу выделилось из племени бгаратов. С другой стороны, «Авеста» постоянно говорит о племенах во множественном числе, а Геродот (I, 101) перечисляет шесть различных мидийских (тоже «арийских») племен. Найти здесь какое-либо вполне сложившееся племенное деление невозможно. Мы застаем это общество на стадии формирования племен.

Племя, авестийское «занту», соответствует ведийскому «джанас» (равнозначно греческому γένος и латинскому genus) и является союзом родовых общин (авест. и вед. «вис») со своим старейшиной (авест. и вед. «виспати»). Племя имело своего верховного вождя (авест. «зантупати»). Патриар-

¹ К. Маркс, Вынужденная эмиграция, Собр. соч., т. IX, стр. 268.

хальная семья возглавлялась отцом (авест. и вед. «питар», т. е. «защитник»), в ней можно проследить пережитки матриархата и прежних родовых отношений кровнородственной семьи, сохранившихся в терминологии родства. Так, например, термином «питар» называли не только отца, но и всех старших в роде, «напат» означает потомка вообще (санскр. «внук»); «Ригведа» указывает на существование (в мифологии) брака между братьями и сестрами. Сложившиеся патриархальные отношения ставят мужчину во главе семьи,—«пати» (т. е. «муж») означает собственно «господин», «владыка»; брат мужа (девар, т. е. деверь) после смерти мужа приобретает право на его жену. Эти примеры можно было бы еще умножить.

Из основной массы общинников выделились родовая знать (авест. и вед. «кшатра») и жречество. О классовом делении тексты ничего не говорят, они нигде не упоминают рабов; повидимому, рабства еще не было или оно носило еще домашний характер.

Таким образом, эти народы стояли еще на средней ступени варварства, занимались скотоводством и охотой; земледелие не было им еще известно. Скотоводство дало возможность этим племенам выделиться среди других варварских племен. По мере роста населения племена оставляли широкие пространства плоскогорий Средней Азии и переселялись в другие, еще не заселенные области или вторгались в культурные страны.

Следует также обратить внимание на некоторые общие и в то же время противоречивые особенности религиозных представлений иранских и индийских племен. Одни и те же божества встречаются у обоих народов—Индра, Митра, Шива, Яма, но различно отношение к ним. Так, например, Дьяус-питар отступает в «Ригведе» на второе место, а в «Авесте» вовсе исчезает; Индра и Насатъя (авест. Наонхаитъя), которые в «Ригведе» играют большую роль, в «Авесте» деградировали до положения демонов, как и «великий бог» «Ригведы»—Шива. В «Ригведе» боги названы девами, а злые демонами асурами, тогда как в «Авесте», напротив, боги называются ахура (т. е. «господин»), а девы являются демонами; авестийский великий пророк Заратуштра помещен в «Ригведе» под именем Джарадашти среди врагов богов. Наконец, «Авеста» считает поклонников девов врагами правоверных.

Эти, а также многие другие общеизвестные факты определенно указывают, что когда-то эти племена представляли собою одну группу племен, вступивших между собою в борьбу и распавшихся на две группы. Этот раскол произошел, повидимому, уже тогда, когда они покинули пастбища Средней Азии. Как полагают некоторые, из Арахозии часть племен направилась на запад, в Иран, другая же часть—на восток, в долину Инда. Оставим в стороне иранскую группу и посмотрим, что представляла собою долина Инда, когда туда пришли «арийцы».

Население Индии и теперь и в древности чрезвычайно пестро. Древний текст «Ригведы» также указывает на разноплеменный состав населения, с которым пришлось столкнуться ариям («арийцам»). В северной части Индостана жили племена, которые мы называем дравидами, но они не представляют антропологического единства и, повидимому, не были первыми обитателями страны; вероятно, они населяли также области на запад от долины Инда, и остатками их является, может быть, племя брагуи в Белуджистане. «Ригведа» повсюду называет эти племена презрительными кличками: «даса»—враги, или «млетшаса» (варвары)—люди, языка которых нельзя понять, или «анаса»—безносые, и т. д. «Ригведа» упоминает многочисленных «царей», уничтоженных с помощью богов, сообщает об изгнании дазигов в горы, о их порабощении и уничтожении. Завоеватели заняли прежде всего территорию Пенджаба, затем спустились по Инду до моря, а через верховья притоков Инда проникли в долину Ганга.

«Ригведа», а затем эпические поэмы «Магабгарата» и «Рамаяна» полны описаниями кровопролитных сражений, которыми сопровождался захват Ариварты—страны ариев, как называли пришельцы область в бассейне Инда и Ганга.

До сего времени господствовала теория, что именно с этого времени начинается развитие культуры, так как аборигены не были способны создать что-либо, и только с приходом «арийцев» начинается история Индии. Так твердили все буржуазные историки до новых археологических открытий в долине Инда, так продолжают многие из них повторять, стараясь принизить культуру «доарийских» племен. Между тем, и до открытия индской культуры древние тексты «Ригведы», «Магабгараты» и «Рамаяны» говорят о высокой культуре коренного населения; но эти факты всегда замалчивались, о них старались не говорить. А легенды сообщают, что племена судров и косиков, населявшие область у берега Аравийского моря, были культурными народами, жившими в больших городах; они обладали усовершенствованным земледелием, развитой промышленностью, науки стояли у них на большой высоте. Некоторые «демоны» «Ригведы» оказываются вождями (царями) племен, живших в хорошо укрепленных городах. В «Магабгарате» рассказывается о роскоши и развитом ремесле в царстве Таксашилы и Агитшатры, лежавших в Пенджабе; там же и в «Вишну-пуране» говорится о племени матсиев, живших по Гангу и Джумне, что это были народы ученые, знавшие астрономию, плававшие по рекам и создавшие целую сеть оросительных каналов. Все внимание буржуазной науки было направлено на изучение «арийской» истории, о «доарийцах» забывали¹. Но там, где ученые касались культуры «аборигенов», там открывались неожиданные вещи. Так, например, Coldwell, изучавший тамильский язык, установил из слов несанскритского происхождения общественный строй и состояние культуры древних дравидов². Раскопки в Мохенджо-даро, Чанхо-даро, Хараппа как нельзя лучше подтвердили свидетельство «Магабгараты» о развитой культуре «доарийских» народов.

Открытие в среднем течении Инда под слоями Кушанского периода остатков зданий было сделано еще в 1921/22 гг. индийским археологом Банерджи. С тех пор раскопки и археологические изыскания не прекращались, в них приняли участие крупнейшие археологи—Маккей, Маршалл, Штейн и др.³ В результате открыта культура, охватившая обширную территорию северо-запада Индостана, Кашмира, Белуджистана, Вазиристана, и мы можем говорить не только об индской, но об индо-иранской культуре. Открытие в Мохенджо-даро поселения городского типа, с правильной планировкой улиц, с двух- и трехэтажными домами, с системой канализации; открытие в Хараппа (Вазиристан) прекрасных скульптур, не уступающих статуям архаической Греции; открытие, наконец, иероглифического письма—все это показывает, сколь высокого развития

¹ Н. Я. Марр, Об яфетической теории («Новый Восток» № 5 за 1924 г., см. Избр. соч., т. III, стр. 1) говорит: «... посмотрите, как много сделано всеми европейскими нациями по санскриту, потому что он сроден с европейскими, потому что он письменен, древнеписьменен, потому что он великокультурен и выявлял, казалось, великое культурное начало европейских языков,—как много сделано в смысле его изучения, сравнительно хотя бы с дравидскими языками все той же Индии».

² A comparative grammar of the Dravidian family of languages.

³ См., например, A u r e l S t e i n, An archeological tour in Waziristan and Northern Baluchistan («Memoires of the archeological Survey of India», Calcutta, 1929, № 37; егo же, «An archeol. tour in Gedrosia» (ibid., 1931, № 43); J. M a r s h a l l, Mohenjo Daro and the Indus Civilisations, 1931; E. M a c k e y, The Indus Civilisation, 1935; A u r e l S t e i n, The Indo-Iranien Borderlands («Journal of the Royal Anthropol. Institute», LXIV, 1934, p. 179—202).

достигла индская культура ко времени прихода «арийцев». Ряд фактов указывает, что мы имеем дело с классовым (очевидно, ранне-классовым) обществом. Правда, прямых указаний здесь мы не имеем, но наличие таких металлов, как серебро, золото, медь, олово, свинец, бронза, говорит о развитой торговле; об этом же свидетельствуют каменные гири, найденные в Мохенджо-даро. Затем надо обратить внимание на характер самих поселений с резко выраженным городским типом, что ставит на очередь вопрос о снабжении города продуктами сельского хозяйства, о взаимоотношениях между сельским и городским населением. Наличие наряду с домами также и дворцов, которые, правда, отличаются от обычных домов только своими размерами, наводит на мысль о социальном неравенстве населения. К сожалению, до сих пор не найдено сельскохозяйственных орудий, и мы не можем говорить о технике обработки земли. Но, повидимому, земледелие занимало большое место в хозяйстве этого древнего общества—находка зерен пшеницы, ячменя, семян овощей и т. д. указывает на существование земледелия наряду со скотоводством. Наличие, наконец, письменности—правда, еще примитивной, иероглифической, насчитывающей около 400 знаков,—является также показателем того, что мы имеем дело с обществом, стоявшим на более высокой ступени развития, нежели пришедшие сюда арии («арийцы»).

«Дазии» («доарийские», туземные племена), как называет их «Ригведа», не составляли единого племени: это были многочисленные народности, принадлежавшие, как показывают исследования, к различным антропологическим типам. Завоеватели (арии) вытеснили их в леса и горы, частично поработили их, но некоторые из них слились с победителями. «Ригведа» сообщает даже, что некоторые племена (например, кшудраки, населявшие Пенджаб, а также жители Каписталы) сохранили свою самостоятельность и были равноправны с завоевателями. Впоследствии некоторые древние фамилии ариев возводили свой род к косикам, бобравам и другим племенам коренного населения. При дальнейших завоеваниях ариев к ним примкнули даже некоторые племена, ставшие таким образом тоже ариями. Таким образом, в число «благородных», «знатных» (т. е. ариев) выдвинулись и представители коренного населения.

Пришлые племена отличались от коренного населения цветом кожи, и первым признаком, который бросался в глаза при различении завоевателей и покоренных, был цвет (варна). «Ригведа» прямо указывает на два цвета (I.179.6), противопоставляя ариев дазиям; прямо указывает на *dāsa varṇa* (I.12.4), на цвет дазиев и говорит, что Индра, убивая дазиев, покровительствует цвету ариев (III.34.9). Впоследствии, при смешении многоплеменных народов ариев с многоплеменным населением дазиев, утрачены были этнические особенности ариев. В позднейших текстах «Яджурведа» и «Брахманах» термин «варна» теряет свое первоначальное значение, становясь термином социального порядка, означая «касту». Вместе с тем для обозначения «касты» применяется новый термин «джати», означающий собственно «род». Так, например, в законах Ману встречаются уже оба понятия, не всегда, правда, различающиеся (во всяком случае трудно различимые), а в «Артхашастре» у Каутильи (IV в. до н. э.) «варна» уже не означает касту, а только лишь цвет, качество, свойство—например, драгоценных камней,—а для касты применяется слово «джати»¹.

В период вторжения ариев в «Ригведе» резко отмечается физическое различие народов и нигде не говорится о различии в языке, в общественной жизни. Но зато резко подчеркивается различие в религиозных

¹ См., например, J. J. Meier, *Das altindische Buch vom Welt- und Staatsleben*, 1926, стр. 135, 14 и др.

представлениях, в культе, в обрядах. Гимны «Ригведы» полны религиозной ненавистью ариев к дазиям. «Обуздывай тех, кто не исполняет религиозных обрядов; заставляй подчиняться тех, кто не славит жертвоприношений», говорится в «Ригведе». «Вокруг нас живут племена дазиев, не приносящих жертв. Они ни во что не верят, у них другие обряды, их нельзя считать людьми», говорится в 10-й мандале «Ригведы» (X. 22. 3), составленной уже позднее, очевидно, на берегах Ганга. Этот факт религиозной нетерпимости различных племен Индии блестяще подтверждает слова Энгельса, который следующим образом характеризует религию восточных народов древнего мира: «во всех религиях, существовавших до того времени (т. е. до появления христианства.—Н. Ш.), главным делом была обрядность. Только участием в жертвоприношениях и процессиях, а на Востоке еще соблюдением подробнейших предписаний относительно приема пищи и омовений можно было доказать свою принадлежность к известной религии. В то время как Рим и Греция в этом отношении проявили терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая немало способствовала упадку, в конце концов наступившему. Люди двух разных религий (египтяне, персы, евреи, халдеи) не могут вместе ни пить, ни есть, не могут сделать вместе самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека было одной из основных причин гибели древнего Востока»¹.

Многopleменность населения, обособленность племен и сохранение их самобытности, пережитки родовых отношений, наконец, религиозная разобщенность—все это вело к примитивным формам кастового разделения труда. Покоренные племена—дазии—заняли в кастовой иерархии низшую ступень, шудров, которые противопоставлялись «высшим» кастам «дваждырожденных» ариев. Шудры находятся на положении рабов, совершенно бесправных существ, единственной обязанностью которых было, по законам Ману, «безропотно служить другим трем кастам» (I. 91). Но уже в законах Ману, кодексе, окончательно сформировавшемся в середине первого тысячелетия до н. э., дается возможность и шудре стать арием. «Шудра чистый, покорный высшим классам, кроткий в словах, чуждый гордости и всегда ищущий убежища у брахманов, достигает в своей будущей жизни высшей касты», говорится в законах Ману (IX.335.23). А в «Артхашастре», составленной во времена Чандрагупты его визирем Каутильей, шудра оказывается в числе ариев². Так в процессе развития индийского общества изменяется понятие касты, положение шудры и ария.

В свете новых фактов (во многом согласующихся с давно известными, но «забытыми» указаниями «Ригведы») арии оказываются племенами, стоявшими во всех отношениях на более низкой ступени развития, нежели покоренные ими дазии. Победители дазиев оказались сами побежденными их культурой—они восприняли многое в области религии, техники земледелия, заимствовали письменность³. Древняя индусская письменность

¹ Энгельс, Фруно Бауэр и раннее христианство. Собр. соч., т. XV, стр. 608 сл.

² Любопытно, как эти исторические факты игнорируются современными теориями расизма, вынужденными уже теперь выдвигать на первый план не антропологические, а «психологические» признаки расы. Так, известный идеолог расизма А. Розенберг пишет: «Нет ничего поверхностней, чем оценивать людей на основе сантиметра и головного указателя. Необходимо в первую очередь оценивать людей на основе заслуг на службе наций» («Der Mythos des XX. Jahrhunderts», S. 559).

³ А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (1938), стр. 106, между прочим говорит: «... народы индоевропейского языка научились писать только от народов, говоривших по-семитски, и к тому же лишь тогда, когда семиты писали уже в течение столетий».

легла в основу позднейшего письма брахми, как показал Лэнгдон¹, и это вносит переворот в наши представления о происхождении индийского письма: до сих пор общепринятой была теория А. Вебера² о происхождении письма брахми из финикийского алфавита.

В целом, таким образом, завоевание ариев представляется вторжением варваров, которые не принесли с собой культуру, а разрушили то, что было создано до них. Именно такая постановка вопроса и может только подвести нас к пониманию тех причин, которые вызвали падение той высокой древнейшей цивилизации Индии, которая предстала сейчас перед наукой в результате открытий последних лет. Древние арии, как древние германцы, галлы и славяне, разрушили старую цивилизацию, существовавшую до них, и явились в условиях социального развития древней Индии отправным пунктом нового этапа общественного развития, который известен как ведический и брахманский периоды истории Индии.

Разработка вопроса о вторжении древних ариев в долину Инда и Ганга раскрывает нам древнейшую страницу социальной жизни народов Инда и Ганга, в частности условия распада культуры дравидов и возникновения «ариев» как господствующей группы завоевателей, постепенно ассимилировавшейся с туземными племенами Индии. Таким образом, удастся установить, что арии (властители, благородные)—понятие не столько расовое и антропологическое, сколько социальное, классовое по отношению к завоеванным племенам, называвшимся «дазиями», рабами.

¹ J. Marshall, Mohenjo Daro, II, стр. 433 сл.

² G. Bühler, Indische Paläographie, 1896.

